

Юй Чанцин тихо вздохнул:

— Хозяин хижины и его даолюй использовали эти благовония лишь как вспомогательное средство для практики. Раньше мой изначальный ян не был растрачен, поэтому мне было трудно противостоять. Если бы это было сейчас, ничего подобного не случилось бы.

При мысли о том, как именно был утрачен изначальный ян Сяньцзюня, лицо Ван Дачжуана снова обдало жаром. Уставившись в одну точку перед собой, он пробормотал:

— Откуда ты всё это так подробно знаешь?

Юй Чанцин перевернул ладонь и вынул бамбуковый свиток.

— Взгляни на это.

Заметив в углу небольшое пятнышко крови, Ван Дачжуан сказал:

— Это тот самый свиток, что раньше лежал на столе? Разве это не руководство по культивации?

— Нет, — ответил Юй Чанцин. — Это личные записи хозяина хижины.

Ван Дачжуан взял свиток и повертел его туда-сюда.

— Я ни одного иероглифа не разбираю.

— Это древняя письменность, — сказал Юй Чанцин. — Ничего удивительного, что ты её не знаешь.

Ван Дачжуан вернул ему свиток.

— Мне и не обязательно знать. Главное, что ты знаешь. Расскажешь, что там написано?

— Хозяина хижины звали Юнь Сю, а его даолюя — Цин Хэнь. Духовный корень Юнь Сю относился к водной стихии, а духовный корень Цин Хэня к древесной. Их характеры гармонировали, духовные корни дополняли друг друга, можно сказать, они были настоящей парой небесных супругов. Цин Хэнь был по натуре открытым и свободным, обладал выдающимися способностями, и его мастерство росло с невероятной скоростью. А вот Юнь Сю был склонен к излишним размышлениям. В своих записях он называл себя «узким сердцем, неспособным к великим свершениям».

— Всю жизнь он стремился превзойти других, — продолжал Юй Чанцин. — В то время его продвижение в культивации уступало Цин Хэню, и это всегда было для него скрытой болью. Цин Хэнь опасался, что вознесётся раньше Юнь Сю и оставит его одного, потому намеренно подавлял свой уровень и отказывался от дальнейшего совершенствования. Когда Юнь Сю узнал об этом, он счёл этот поступок Цин Хэнь унижительным для себя. В гневе он ушёл, пытаясь найти возможности для прорыва, но неожиданно столкнулся со свирепым зверем и едва не погиб. Цин Хэнь поспешил к нему и спас, однако Юнь Сю уже был отравлен ядом из клыков того зверя. Его духовный корень оказался повреждён, и надежды на вознесение больше не осталось.

— Цин Хэнь был в отчаянии и повсюду искал способ убрать яд. Видя, как Юнь Сю мучается от ран и яда и испытывает невыносимые страдания, он даже не раз проливал слёзы. И тогда Юнь Сю внезапно осознал, что его прежняя одержимость была страшной ошибкой. Увы, раскаяние пришло слишком поздно. Он попросил Цин Хэня остаться с ним и прожить вместе оставшиеся ему дни, а после его ухода уже вознестись. Цин Хэнь согласился.

— Однако Цин Хэнь согласился с ним лишь на словах. Когда поиски способа спасти его ни к чему не привели, однажды, воспользовавшись его неготовностью, он оглушил его и, ценой разрушения собственного духовного корня, перенёс яд из тела Юнь Сю в своё. За одну ночь его чёрные как смоль волосы побелели, духовный корень был уничтожен, а всё совершенствование обратилось в прах. После этого он прожил лишь три года. А Юнь Сю, получив большую часть мастерства Цин Хэнь, не только полностью очистился от яда, но и оказался всего в шаге от вознесения.

— После переноса яда тело Цин Хэня стало неотличимо от тела обычного смертного, даже более больным и слабым. Зная, что жить ему осталось недолго, и не желая стать для Юнь Сю обузой, а также чтобы избавить того от мук вины и страданий, он намеревался, пока Юнь Сю ещё не пришёл в себя, прыгнуть со скалы и уйти из этого мира, но был спасён вовремя очнувшимся Юнь Сю.

Дойдя до этого места, он мягко похлопал по руке Ван Дачжуана и сказал:

— Картина на стене как раз изображает момент, когда очнувшийся Юнь Сю отправился на поиски и увидел Цин Хэня, стоящего у края скалы.

Ван Дачжуан слушал, и сердце его сжималось от сочувствия. Теперь, глядя на картину, он уже мог различить в ней трудно выразимую словами скорбь, растворённую в каждом штрихе. Он тихо спросил:

— И что было дальше?

— Цин Хэнь прыгнул со скалы, — продолжил Юй Чанцин. — Юнь Сю, убитый горем, последовал за ним и в полёте подхватил Цин Хэня. Прямо у подножия скалы он построил эту хижину и вместе с ним прожил последние три года.

— После того как Цин Хэнь ушёл, Юнь Сю вознёсся, как желал? — спросил Ван Дачжуан.

Юй Чанцин покачал головой.

— Юнь Сю спросил Цин Хэня, почему тот поступил именно так. Цин Хэнь ответил, что в то время Юнь Сю был столь стремителен и неистов в погоне за совершенствованием, что и навлёк на себя беду, ибо его жажда силы и уровня культивации была слишком сильна. Он считал, что в сердце Юнь Сю самым заветным желанием было вознесение. Он полагал, что утратив надежду на вознесение из-за яда, Юнь Сю неизбежно будет страдать. Потому он и хотел, чтобы его даолюй исполнил своё желание, и ценой всей своей жизни и собственного мастерства надеялся помочь ему. Но он не знал, что к тому времени Юнь Сю уже всё осознал и больше не жаждал великой силы мастерства, а хотел лишь провести оставшуюся жизнь рядом с возлюбленным.

Ван Дачжуан посмотрел на картину и вздохнул:

— Ах... как печально.

— После ухода Цин Хэня, — сказал Юй Чанцин, — Юнь Сю терзался болью и виной, не в силах сдержать себя. Он написал эту картину и повесил её на стену, а затем несколько лет в одиночестве жил в этой хижине, коротая дни с вином. В конце концов он не смог вынести пути долголетия без Цин Хэня рядом и решил последовать за своим даолюем.

Ван Дачжуан широко раскрыл рот:

— Он... разве он не вознёсся?

— Все считали, что он уже вознёсся в мир бессмертных, — ответил Юй Чанцин. — Но на самом деле, вероятно, после того как он записал эти заметки, он превратил хижину в магический артефакт, навсегда сохранив в ней следы Цин Хэня. Затем он выделил эту горную гряду как территорию своей обители и устроил тайное царство, доступное лишь тем, кто ниже уровня Формирования ядра, чтобы никто не смог по-настоящему найти и войти в его «обитель», и после этого уничтожил себя.

— Он тоже был несчастным человеком, — тихо вздохнул Ван Дачжуан.

Юй Чанцин сказал:

— Тот человек ушёл, как бы он ни страдал и ни раскаивался, его уже было не вернуть. В конце своих записей он написал: «Молю лишь, чтобы мой даолюй в следующем рождении не спешил и подождал меня».

— Как думаешь, смогут ли они встретиться вновь после перерождения? — спросил Ван

Дачжуан.

Юй Чанцин ответил прямо:

— Переродившиеся утрачивают память о прошлой жизни. Даже если встретятся вновь, они не узнают друг друга.

Ван Дачжуан посмотрел на портрет на стене и тихо сказал:

— Юнь Сю нарисовал Цин Хэня таким, каким тот стал после переноса яда. Каждый день глядя на этот образ, он на самом деле истязал сам себя. Он ненавидел себя за то, что Цин Хэнь счёл, будто он любит культивацию больше, чем его самого, и потому пожертвовал жизнью, желая исполнить его стремление.

— Стремление Юнь Сю к культивации проистекало лишь из его духа соперничества. Судя по тому, как Цин Хэнь перенёс на себя яд, в повседневной жизни он, должно быть, относился к Юнь Сю с величайшей бережностью и любовью. Возможно, именно эта бережность сделала его сердце ещё более гордым, что и привело к роковой ошибке, — прямо заявил Юй Чанцин.

— Какую бы ошибку он ни совершил, — сказал Ван Дачжуан, — он уже заплатил за неё страшную цену. Если в следующей жизни они встретятся вновь, он непременно будет дорожить им.

Юй Чанцин всё так же прямолинейно ответил:

— Легче свернуть горы, чем изменить природу. Человек с узким сердцем, сколько бы ни перерождался, всё равно не станет по-настоящему великодушным.

Ван Дачжуан вздохнул:

— Зачем же ты так суров к нему?

Юй Чанцин нахмурился: он ведь всего лишь говорил правду.

Но прежде чем он успел что-либо сказать, Ван Дачжуан толкнул его и воскликнул:

— Сяньцзюнь, посмотри на руку Цин Хэня. Кажется, у него в ладони что-то есть?

Юй Чанцин пригляделся, слегка нахмурился и, опираясь на руки, поднялся с постели. Ван Дачжуан тревожно воскликнул:

— Что ты делаешь?!

Юй Чанцин встал, в голове у него слегка закружилось. Он постоял немного, затем медленно подошёл и внимательно рассмотрел руку изображённого на картине. В его голосе прозвучало лёгкое удивление:

— Лоза Циншань!

Ван Дачжуан, держась за ноющую поясницу, с некоторым трудом тоже слез с кровати и хотел подойти, чтобы поддержать его, но, услышав это, тоже изумился:

— Что?!

<http://bllate.org/book/12569/1117998>